

## ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

А.В. Ключко, Е.В. Некрасова

*Рассматривается психологическая эволюция человека, становление его жизненного мира в филогенезе; утверждается, что филогенез продолжается, все более подчиняясь детерминации возможностей, с чем связана трансцендентальная природа человека, основой которой является самодетерминация как проявление системной детерминации; показано, что собственно человеческое в человеке является продуктом его исторического развития, новообразованием, проявляющим себя потребностью в саморазвитии, самодетерминации, творчестве.*

Изучение психологической эволюции человека, "человеческого в нем" составляет основной предмет психоистории, исторической психологии. Считается, что анализ архаических форм человеческого сознания способен дать нечто существенное для понимания того, каков человек в его историческом развитии.

Психоисторическое исследование значимо, прежде всего, как своеобразная форма общечеловеческой рефлексии, без которой невозможно осуществление прогнозирования в науке. Кроме того, существуют научные проблемы, решение которых вряд ли возможно без обращения к психоисторическому аспекту их рассмотрения. Сказанное относится к проблеме становления жизненного мира человека, имеющего пространственно-временную организацию.

Рассматриваемая проблематика актуальна, прежде всего, не потому, что она недостаточно исследована. Она не исследована достаточно потому, что требует для своего решения нового подхода, системного, междисциплинарного. Поиск методологических, теоретических и собственно методических оснований для интеграции психоисторического, историко-психологического и общепсихологического методов анализа является необходимым условием для научного объяснения изменений, происходящих в людях, как результата движения культурного, экономического, социально-политического контекста их бытия.

Основанием для интеграции историко-психологического и психоисторического подходов может быть, по нашему мнению, понимание человека как психологической системы и как предмета психологии (5-7). В теории психологических систем (ТПС) человек выступает как психологическая система, особая пространственно-временная организация, открытая в мир, способная к самоор-

ганизации и саморазвитию. "При переносе такого понимания предмета науки в историю психологии и психоисторию необходимо увидеть в человеке не только психологическую систему, развитие которой охватывается онтогенезом, но и уловить в этом развитии филогенетическую детерминанту, то, в чем проявляет себя история становления человечества, и тем самым действительно "внести историческую перспективу" в психологическое познание человека" (7, с.41-42).

Наша гипотеза состоит в том, что в процессе исторического развития человечества человек как психологическая система, его пространственно-временная организация, мир менялись и меняются. Можно предположить, что, в процессе культурно-исторического развития, человек, усложняясь, как психологическая система постепенно приобретает новые мерности (значение, смысл, ценность), а его жизненный мир - новые координаты. Филогенез продолжается, освобождаясь все больше от нормирующей жизнь потребностной детерминации, подчиняясь все больше сверхнормативной по своей природе детерминации возможностей, с чем связана трансцендентальная, сверхадаптивная природа человека, основой которой является универсальное свойство самоорганизующихся систем любой природы - самодетерминация как проявление системной детерминации. Все больше растет детерминирующая роль возможностей, все глубже уходит в основание витальная потребностная детерминация (5). Отсюда следует наше основное положение: становление человека, понимаемое в психоисторическом плане, есть постепенно осознаваемый им процесс реализации собственных возможностей в пространстве и времени, самопостроение своего многомерного мира, имеющего пространственно-временную организацию, которое обеспечивает смысл и ценность его собственно человеческого существования.

Становление человеческого в человеке имеет выраженную социальную детерминацию. Оно детерминируется внешними условиями, в которых (и через которые) оно осуществляется. Человеческая история и психическое преобразование людей в истории с самого начала носит общественный характер.

Необходимо, однако, учитывать также внутреннюю детерминацию личностными особенностями, возможностями личности, которая собственно и реализует себя в актах трансценденции. Если же понимать становление многомерного мира человека как процесс, как деятельность, то необходимо выделить еще один детерминирующий фактор – те психологические новообразования деятельности, которые в ней порождаются и которые участвуют в процессе образования, становления многомерного мира человека, его пространственно-временной организации. Таким образом, детерминацию становления многомерного мира человека необходимо понять как системную. Однако до сих пор основное внимание исследователей в психологии привлекали две группы детерминирующих факторов – внешние и внутренние, другие практически выпадали из анализа.

Психоисторический процесс весьма слабо изучен с точки зрения внутренних тенденций эволюции как прогрессирующей самоорганизации человеческого сообщества. Детерминация же, связанная с влиянием психологических новообразований на процесс самодвижения, саморазвития, пока только начинает становиться предметом специального исследования (7). Причина этого в доминирующих до сих пор принципах детерминизма, указывающих на внешнее или на внутреннее как основания того, что происходит с человеком и в филогенезе, и в онтогенезе. С нашей точки зрения, психоисторический аспект становления многомерного мира человека, собственно человеческого в нем должен состоять в анализе того, каким образом в процессе развития общественного производства и социальных взаимодействий, т.е. в процессах социальной самоорганизации, меняется самоорганизация человека как психологической системы. Психоисторический аспект становления человека предполагает, прежде всего, анализ источников его активности, смена которых определяет и содержание деятельности, направленной на созидание человеком самого себя и удержание собственной целостности.

После того как “*homo sapiens*” оформляется в самостоятельный биологический

вид, начинается процесс его культурно-исторического развития, заключающийся в становлении психической организации, без изменения биологической организации. То, что неандерталец и современный человек имеют одинаковую биологическую организацию, но совершенно разную психическую, можно объяснить тем, что в процессе культурно-исторического развития с накоплением “культурного фонда” у последующих поколений появляются возможности выхода в культуру, которых со временем становится все больше и больше.

Человек не имеет врожденной программы деятельности, которую имеют животные, его видовой опыт не закреплен в виде инстинктов и не наследуется. Видовой опыт, накопленный в течение многих веков, вынесен в культуру и закреплен в ней в виде языка, произведений искусства, науки. Для того чтобы стать человеком в полном смысле этого слова, ребенку необходим выход в культуру. Только в результате взаимодействия с ней возможно “очеловечивание” психики. Поэтому процесс “психического эволюционирования” вида *homo sapiens* можно связать с процессом постепенного обогащения культуры. Человек всегда “стоит на плечах своих предков”, что и способствует осуществлению смены исторических эпох, цивилизаций, самому процессу развития.

Каждая историческая эпоха, каждый период развития человеческого общества характеризуется своими культурно-историческими особенностями. Попытаемся проследить основные вехи исторического становления форм человеческого мироотношения и их отражения в сознании, выявить тот образ мира, образ жизни, тем самым особенности жизненного мира человека, которые создавались в соответствующих исторических эпохах.

Процесс культурно-исторического развития человечества начинается в эпоху первобытнообщинного строя. Исследователи древности говорят о том, что культура как целостная система рождается в конце древнего каменного века. Поздний палеолит занимает ключевое место в доистории, так как от него остались свидетельства систематической знаковой деятельности человека, являющейся главным признаком наличия сознания.

В нижнем палеолите с возникновением сознания можно говорить об “элементарной” психической организации *homo sapiens*, появлении собственно человеческого поведения, которые нашли свое выражение в языке, родовом устройстве, магии, ритуалах, изо-

бразительной деятельности. Древнейшие ритуалы и предания отражают происходящее вокруг: рождение, размножение, питание, умирание. Именно поэтому данную культуру можно назвать “культурой действия”: “Модель телесного действия, порождающего из себя образы и знаки, очерчивает ядро древнейшего психокультурного комплекса, который до сих пор дает основу для массы практик и верований. В их основе – убеждение в способности с помощью всевозможных манипуляций воздействовать на людей и природу” (10, с.190). Рассматриваемый мир создан из существ, охваченных биологическими потребностями. Однако уже на этой стадии развития наблюдается появление собственно человеческого поведения – ритуалы, магия, которые нельзя рассматривать как недостатки мышления первобытного человека: “Магия – это социально-ритуальная, частично познавательная практика. Она включалась в обслуживание разнообразных задач, расширяла манипулятивные приемы и символические аксессуары человека. ... Магический образ создает “вторую реальность”, которая воспринимается как подлинная, первая реальность. События инсценируются, но представляются не как инсценировка, но как подлинные события” (10, с.190). Магическая имитация жизни фокусировала в себе зарождающееся сознание, а также служила культурной проформой, в которой до времени только и могли существовать религия, искусство, наука. Речь была в зачаточном состоянии и не могла быть еще достаточным средством для этого. Эмоции выражались на основе более простых, преимущественно доречевых приемов. В ритуалах и магии выразились начальные попытки человека овладеть своими реакциями.

На данном этапе развития общества можно говорить о человеке только как существе, стремящемся к сохранению некоторой стабильности, постоянству, равновесию в пределах биологического функционирования. В палеолите человек занят решением проблем выживания, совершает первоначальные попытки справиться с силами природы, тем самым начинается переход к принципиально новой форме приспособления.

Неразвитость форм деятельности в первобытном обществе, полная недифференцированность его членов, подчинение их законам рода обусловили и специфические формы мышления и мироотношения. Деятельность сознания первобытных людей настолько слабо дифференцирована, что в ней нель-

зя выделить собственно познавательного, интеллектуального отношения к окружающему. Идеи или образы сознания тесно переплетаются с чувствами, эмоциями, страстями. Хотя первобытные люди смотрят теми же глазами, что и мы, они воспринимают не тем же сознанием, что и мы. Всё их мироотношение как бы обернуто в слои коллективных представлений. Сознание людей накануне возникновения цивилизации, вообще все человеческое мироотношение в первобытном обществе характеризуется формулой “природа, мир вокруг меня” (4, с.104). Более того, интереса человека к собственному образу, несмотря на имеющиеся изображения, в этот период мы не встретим, так как не всякое изображение есть образ. “Я” как такового еще просто не существует. Как показал Б.Ф. Поршнев, первым понятием социальной психологии первобытного общества было понятие “они – нелюди”, враги, те, с кем нужно бороться, т.е. опять-таки мир вне меня. И только потом выделяется “мы”, и среди этого “мы” – “я”.

Восприятие мира носит в основном эмоциональный характер, обобщения формируются с трудом. Для первобытного человека мезолита и неолита из-за неразвитости форм практической деятельности, неразработанности языковых средств абстрактные обобщения вообще представляли большую сложность. Отношение к окружающему миру наполнено “нерассуждающей эмоцией” и формой отражения и переживания в сознании этого мира становится миф, который был не столько даже метафорическим истолкованием явлений, сколько их эмоциональным переживанием. В развитии сознания этот этап можно назвать периодом бессознательной информации, сигналов, почти равных тем, которые посылает нам природа.

Поздняя первобытность стоит на качественно новой ступени. Изменяется социальная организация человеческого общества. Первобытный род распадается на малые племена и семьи. Количественно большой род, состоящий из относительно независимых особей, вынужденных “выживать” по большей мере самостоятельно, распадается на более мелкие и лучше организованные структуры – племена и семьи. Структура этих сообществ, коллективная порука членов племени дает возможность каждому выживать не в отдельности, а вместе с остальными членами. Появляются потребности друг в друге, в совместном хозяйстве. Появляется общественно-экономический, культурный, бытовой, психо-

логический уклад, который называется крестьянской цивилизацией. Жизнь деревни подчинена ритмам природы и хозяйственных работ, требующих определенной периодичности и цикличности, таких как рыболовство, охота, земледелие, скотоводство. Относительно хорошо налаженный крестьянский быт не ставит перед человеком жизненных проблем, выходящих за пределы непосредственного опыта. Все усилия “крестьян” направлены на поддержание постоянства, стабильности, ритмичности, устойчивости уклада своей жизни, поэтому все выходящее за рамки воспринимается как чуждое или не воспринимается вовсе. Идеология крестьянской цивилизации – миф. Ментальность деревни направлена на поддержание неизменности. Жизнь подчинена ритмам природы, аграрных работ, стародавним обычаям.

На данном этапе древности (неолит) человек функционирует как существо гомеостатическое, стремящееся к равновесию, стабильности. Однако это гомеостаз уже не только “биологический”. Человек стремится здесь не только к биологическому, организменному равновесию. Для людей, объединившихся в семьи и содержащих общее хозяйство, становится свойственным “социальный” гомеостаз, направленный на поддержание стабильности семьи, устойчивости уклада жизни деревни, поддержание социокультурной стабильности.

Значение первобытной эпохи в психологической эволюции человека чрезвычайно велико. Она закладывает основы человеческой психики, делающей возможной непосредственную адаптацию к конкретным условиям окружающей среды. Основная задача первобытного общества - воспроизводство наличных форм жизнедеятельности, которая достигается за счет поддержания постоянства, стабильности человеческих потребностей и отношений. Поэтому психология первобытного человека в своей основе – защитная, стабилизирующая организация сознания, направленная на сохранение кровнородственного коллектива в его борьбе с природой и соседями (10).

Человек первобытного общества имеет четко очерченное “Я”, сопротивляющееся резким изменениям, высокое развитие самосознания и рефлексии здесь невозможно (10). *Первобытный человек живет настоящим*, любое социальное изменение воспринимается им отрицательно и тем более не присутствует в сознании как цель, об этом свидетельствует почти полное отсутствие в

языке абстрактных понятий и нежелание представителя данной культуры вообразить положения, выходящие за пределы известного и представимого: “В первобытном сознании грани между прошлым, настоящим и будущим, различия между общим и единичным смутны” (10, с. 215). Первобытный человек погружен в настоящее. Прошлый опыт используется применительно к задачам поддержания социокультурной стабильности. Социальное изменение воспринимается отрицательно и как цель в общественном сознании не присутствует. Согласно М. Мид, представителям этих культур свойственно “чувство “вневременности” и всепобеждающего обычая”, “чувство тождества между известным прошлым и ожидаемым будущим” (8, с. 327).

Вся система человеческих сообществ постфигуративных культур, людей в них, существовала только “здесь и сейчас”. Люди таких сообществ жили в контексте “этики закона”, которая “приковывает человека к данному миру, к обыденности, социально организованной, и повсюду ставит свои запреты, свои табу” (2, с.171). Иными словами, в этих культурах существовал абсолютный диктат нормирующей жизнь потребностной детерминации.

Античностью ученые называют европейскую древность, то есть историю древней Греции и древнего Рима вместе с их народами. Человек этой эпохи напоминает механизм, действующий по побуждению извне, не способный к самостоятельному волеизъявлению, проявлению инициативы: “герои “Илиады” ведут себя как марионетки богов” (10, с. 234). Мы видим человека, подчиняющегося внешнему приказу, не ответственного за себя, не способного что-либо изменить. В данную эпоху все побудительные причины поведения располагаются вне человека. “Илиада” написана языком команд и перемещений, в которые неостановимо вовлечено человеческое тело... Звуковой приказ из правого полушария запускал телесное движение без проволочек сознания... Поэтому понятий тела и души – обобщений главных сторон человеческого существа – “Илиада” не знает” (10, с.234-235).

Решающее значение в психическом развитии человека имел переход от родоплеменного строя к полисному, произошедший в конце архаической эпохи. Победа рабовладельческой демократии над родовой аристократией и олигархией в некоторых полисах способствовала расцвету и закреплению сво-

бод полноправных граждан. Появление городов-государств (полисов) в Древней Греции приводит к глобальным изменениям психической организации человека. Город обладал специфическим строем, где рабовладельческая демократия способствовала порождению таких форм психической деятельности (дискурсивное мышление, произвольная память, самоанализ), которые свидетельствуют о наличии высокой зрелости психической организации. Появившееся самосознание, а вместе с ним и некоторая социальная автономия древнего грека, привели к тому, что человек стал способным сознавать себя как индивида. Так в древней Греции история перешла от доиндивидуалистической к индивидуалистической ступени и привела к "развитию специфической формы самосознания членов греческих общин, которая определила возникновение личности индивида как основной единицы и высшей ценности жизни" (10, с.257). Человек постепенно совершал движение от архаической "культуры стыда" к классической "культуре вины": "...основанное на внешних санкциях и стыде поведение индивида все больше направляется внутренне прочувствованными решениями, чувством вины – свидетельством духовной сложности человека. У индивида устанавливаются сложные отношения к миру, в котором он живет, и ценностям этого мира" (10, с.256).

В истории культуры открытие индивидуальности, личной судьбы принадлежит античности. Оно было подготовлено развитием производительных сил общества, становлением классовых отношений, выходом на историческую арену городов-полисов вместо родовых общин. Сначала это не была индивидуальность в полном смысле слова. Полис для этого слишком строг, суров, аскетичен. Он еще немногим отличается от родовой общины. Гражданин полиса освобождается от общественно-родовых авторитетов, и в этом смысле его личность уже свободна. Особого расцвета этот процесс достигает в эллинизме, так что индивидуализм становится характернейшей, отличительной чертой всей культуры, пронизывая не только искусство и философию, но и становясь основой всего мировосприятия.

Человечество и рождает и открывает для себя личность. Это еще не подлинно развитая, свободная личность, но интерес к ней огромен, и это историческое открытие "Я", духовности индивидуальности надолго

определяет развитие духовной культуры общества.

В эллинском сознании векторное время играло подчиненную роль. "Эллинское сознание обращено к прошлому, миром правит судьба, которой подвластны не только люди, но и боги, и, следовательно, не остается места для исторического развития. Античность "астрономична" и поэтому не осознает истории, которая статична. "Золотой век", по представлениям древних греков, - позади, в прошлом, мир не движется через качественные изменения", "при огромном прогрессе философской мысли античный мир не смог разработать философии истории" (3, с.163).

Итак, в античности человек был еще не в состоянии вырваться из круга природного бытия и решительно противопоставить себя естественной среде. Он зависим от природы и не способен осознать ее в качестве объекта, на который можно извне воздействовать. Человек преимущественно действует по побуждению извне, все побудительные причины поведения располагаются вне. Он не способен к самостоятельному волеизъявлению, проявлению инициативы, ответственности за себя. Однако уже есть скорбь, печаль, чувство вины, направленность на воспитание, образование, совершенствование людей. Некоторая социальная автономия привела к тому, что человек стал способным сознавать себя как индивидуальность. У индивида устанавливаются сложные отношения к миру, в котором он живет, и ценностям этого мира. Все еще сильным оставалось мифологическое осмысление действительности. Мир воспринимался и переживался не в категориях изменения и развития, а как пребывание в покое или вращение по великому кругу. Эллинское сознание обращено к прошлому, миром правит судьба, и нет места для исторического развития, мир не движется через качественные изменения. Потребностная детерминация все еще остается доминирующей.

Временные рамки средневековья охватывают V-XVII века и включают периоды расцвета и упадка общественно-экономического строя - феодализма. Исследователи выделяют "темное" (VI-X века), зрелое (XI-XIII века) и позднее средневековье.

Вся средневековая жизнь проходит под знаком неудовлетворенных физиологических потребностей. Голод, болезни, малая продолжительность жизни, нищета. Жизнь средневекового человека окрашена страхом. В сфере межличностных отношений характерной особенностью средневекового человека

был конформизм по отношению к своим и социальная агрессивность по отношению к чужим. Средневековая личность корпоративна. Человек в ранние исторические эпохи в своих проявлениях слит с определенной группой, племенем, и восхождение к свободной индивидуальности дается ему дорогой ценой (1). Человек этого времени ответственен перед Богом, обладает душой, но основной установкой людей средневековья является установка на всеобщность, типичность, на универсалии и деконкретизацию.

Люди средневековья атемпоральны, они мало восприимчивы к изменению и развитию. "Человек не ощущал себя существующим во времени; существовать для него значило пребывать, а не находиться в процессе становления" (3, с.185). Личность сама себя еще плохо осознавала. Средневековый человек боялся быть самим собой.

Стабильность, традиционность, повторяемость – в этих категориях двигалось сознание людей средневековья, "в них же осмыслилось то действительное историческое развитие, которого они так долго не могли ощутить" (3, с.198). Мир не воспринимался в средние века в изменении. Он стабилен и неподвижен в своих основах. В средние века было распространено убеждение, что всякое изменение обязательно ведет к упадку: меняющееся теряет свою ценность. Средневековое время – по преимуществу продолжительное, долго длящееся, медленное, эпическое. Средневековье – время людей, не овладевших природой, а подчиняющихся ее ритму. Настоящее время в сознании людей средневековья в известном смысле иллюзорно, полностью реальности обладает лишь время христианской легенды: "настоящее время в сознании людей этой эпохи не столько чревато будущим, сколько отягощено прошлым" (3, с. 177). В средние века индивид не противопоставлялся природе, миру, он с ними сопоставлялся в качестве "микроскопа", уменьшенного дубликата "макроскопа": "Здесь субъективное и объективное сливались или, лучше сказать, не были еще расчленены" (3, с.188).

Восприятие времени и временная ориентация в средние века начинают коренным образом изменяться с укреплением и развитием городов. Расцвет городской культуры не означает конца, или "увядания" средневековья, но он влечет за собой углубляющуюся дифференциацию традиционной картины мира, ранее относительно единой для всего общества. Город становится носителем ново-

го мироотношения и, соответственно, отношения к проблеме времени. В городе формируется социальная среда, которая относится ко времени совершенно иначе, нежели феодалы или крестьяне. Для купцов время – деньги. Время становится мерою труда. Оно приобретает большую ценность, превращаясь в существенный фактор производства. "Впервые время окончательно "вытянулось" в прямую линию, идущую из прошлого в будущее через точку, называемую настоящим. ... Настоящее сделалось скоропреходящим, невозвратным и неуловимым. Человек впервые столкнулся с тем фактом, что время, ход которого он замечал лишь тогда, когда происходили какие-то события, не останавливается и в том случае, если событий нет. Следовательно, время необходимо беречь, разумно использовать и стремиться *наполнить* его поступками, полезными для человека. ... Социальное время было осознано как огромная ценность и как источник материальных ценностей. ... понимание значимости времени пришло вместе с ростом самосознания личности, начавшей видеть в себе не родовое существо, а неповторимую индивидуальность, т.е. личность, поставленную в конкретную временную перспективу и развертывающую свои способности на протяжении ограниченного отрезка времени, отпущенного в этой жизни. ... именно в позднесредневековом городе человек впервые перестает быть хозяином времени, ибо время, осознанное и конституированное как безотносительное к людям и событиям, отчуждается и устанавливает свою тиранию, которой вынуждены подчиняться сами люди. Время навязывает им свой ритм, заставляя их действовать быстрее, спешить, не упускать момента" (3, с.197-198).

Итак, средневековье, по сравнению с древностью, - более сложный и более открытый мир, который уже не мог существовать, будучи закрытым. Средневековое общество, человек средневековья испытывают потребность в большей открытости, в сравнении с древним обществом и человеком древности, а значит, в большей динамичности, подвижности, независимости и самостоятельности.

Новое время (XV-XVI века - начало XX века) связано с бурным развитием промышленности, ростом городов, развивающимся политическим движением, революциями, появлением гражданского общества. Все существование человека направлено на приобретение, которое становится целью его жизни. Капиталистический способ

хозяйствования распространяется повсеместно, вместе с ним - буржуазный уклад жизни и рациональное сознание западного человека. Новое время – эпоха становления рационального, дисциплинированного индивида капиталистического хозяйства и гражданского общества. Индустриальное общество поглощено идеей эффективной, аналитически расчлененной и отлаженной системы, которая включает и человека. Этот человек – дисциплинированный субъект, важнейшая его задача – саморегуляция всегда и везде. На данном этапе развития общества массовое распространение саморегуляции и возрастание формально-логического и технического интеллектов является определяющим. Необходимым становится человек, уподобленный отлаженной исполнительной машине. Ответственная система, сложившаяся в Новое время, ориентированная на систематическое максимально рациональное использование духовных и физиологических потенций человека, была не заинтересована в самореализующихся, стремящихся выйти за пределы заданных требований личностях. На более поздних стадиях развития капитализма с целью максимально эффективного использования человека все делается, чтобы уничтожить его самостоятельность, уникальность.

Отвечая требованиям времени и общества, менялся и человек. У него вырабатывался хорошо известный в психологии эффект “выученной беспомощности”: “человек, раз за разом убеждающийся в неподконтрольности ситуации, в невозможности изменить своими действиями размеренный ход событий, в конечном счете, вообще отказывается от поиска. ... Он уже сам стремится избежать жизненных перемен, т.к. они сулят неизвестное, вынуждают к поиску, а стремление к поиску атрофировано” (1, с.142-143). От члена промышленно развитого общества требуется максимально сознательное (ответственное) отношение ко времени. Он способен предвидеть будущее, планировать свою деятельность и предопределять перспективу общества далеко вперед. Эта способность объясняется высокой степенью упорядоченности временных систем, которыми он пользуется. Отношение ко времени в большей мере овеществилось в человеческом сознании: время можно беречь или расходовать, подобно деньгам, его можно выигрывать и проигрывать. Время стало цениться очень высоко. Современный человек – “торопящийся человек”, его сознание ориентировано на категорию времени. Время по-

рабатывает человека. Сложился своего рода “культ времени”. Ничего подобного не знало человечество за всю свою историю.

Согласно А.Г. Асмолову, всё разнообразие культур, возникших в процессе человеческой истории, условно можно расположить у двух полюсов – полюса полезности и полюса достоинства (1, с.140). *Культура, ориентированная на полезности, всегда озабочена тем, чтобы выжить, а не жить, она всегда стремится к равновесию и самосохранению.* Эта культура функционирует в основном на гомеостатическом уровне.

Однако человек – существо гетеростатическое, его жизнь, деятельность нельзя уложить в строгие рамки заданных условий, требований и норм. Полноценное функционирование такого ненормативного существа возможно лишь в среде, в которой его сверхадаптивная природа находит естественный выход, где человеческая активность востребована. Особенности рождающегося человека представляется возможным рассмотреть через призму положений философии Н.А. Бердяева.

Важнейшими предметными блоками философии Н.А. Бердяева являются: творчество и объективация как два возможных способа существования человека (третьего, по Н.А. Бердяеву, не дано); мир человека творческого; эсхатология как опыт сведения воедино нескольких перспектив: смысла индивидуальной жизни, смысла истории, смысла жизни человека как вида.

Творчество у Н.А. Бердяева может быть понято только в своей противоположности к объективации. Творчество и объективация дихотомичны: в каждое мгновение жизни человек либо сознательно творит, либо бессознательно объективирует свою природу, т.е. отчуждает ее от себя, превращает в чуждый, никак не связанный с самим собой объект. Творчество и объективация – разнокачественные состояния сознания человека, формирующие совсем разноплановые, не сводимые друг к другу реальности. Объективация есть пассивность, несамостоятельность и зависимость от внешнего источника энергии, бедность, когда с другим нечем делиться, кроме как навязывать свои модели осознания и поведения. Творчество же есть активность, энергетическая достаточность, ничего не требующая от других, есть одаривание собой. Путь человека пролегает от тотальной детерминированности себя внешними силами, несвободы-пассивности, до полной определяемости себя изнутри, т.е. сво-

боды как творческой активности. Согласно Н.А. Бердяеву, человек есть, прежде всего, свободное существо. Свобода не есть просто свобода воли. Свобода человека первична по отношению к его природным и социально-материальным зависимостям, которые являются продуктами нетворчества человека в жизни. Смысл не в том, чтобы быть свободным, но единственно в том, чтобы творить. Свобода же есть первое условие творчества. Человек когда-то начал с жизни, которая была сплошным актом объективации; в конце же дорог он, согласно Н.А. Бердяеву, придет к жизни как непрерывному творческому акту. Вопрос о победе над объективацией есть вопрос эсхатологический; его разрешение будет означать конец существующего миропорядка и трансформацию человеческой природы, переход их в новое качество.

Однако мыслить этот конец во времени – значит объективировать его. Речь не идет о некотором историческом событии, которое произойдет в какой-то определенный день и год. Речь идет о реальности здесь и сейчас творящего человека, определенном экзистенциально-личностном событии. По сути, каждый творческий акт в мгновение кончает старый мир и утверждает новый: “Вечная жизнь... может раскрыться в каждом мгновении, в глубине мгновения как вечное настоящее. Вечная жизнь не есть будущая жизнь, а жизнь настоящего, жизнь в глубине мгновения. ... Вечность и вечная жизнь наступает не в будущем, а в мгновении, т.е. выходе из времени, в прекращении вечной проекции жизни во времени” (2, с.190). По Н.А. Бердяеву, каждая победа в “здесь и сейчас” над объективацией и прорыв к творчеству трансформирует не только личность творца, но и приближает трансформацию всего существующего. В этом состоит смысл исторического развития.

Переход к постиндустриальной фазе развития общества задает новые ориентиры. Общество нуждается в творческом, свободном и ответственном человеке, стремящемся к самореализации. И к началу 60-х годов двадцатого столетия появляется достаточно много людей с ценностно-ориентированным поведением, стремлением к самоактуализации, творчеству, трансценденции. В людях происходят изменения, которые начинают выступать в функции субъективных оснований для объективно проявляющих себя тенденций общественного развития.

Итак, каждый этап общественно-исторического развития характеризуется свои-

ми особенностями в развитии общества и человека. Историческое становление человека, его духовной культуры и мировоззрения в антропосоциогенезе проходит ряд этапов – от непосредственной слитности, включенности индивида в жизнь рода и эмоционально окрашенного переживания действительности через осознание своей особенности, отделенности от природного универсума, обостренного внимания к собственной социальной сущности, до становления индивидуальности и осознания ее в понятиях личной судьбы, ответственности. Дальнейшая история человеческой личности является историей развития ее индивидуальности как подлинного субъекта мироотношения. Люди принципиально меняются в историческом процессе, эти изменения зависят от качественного своеобразия того культурогенеза, который пришелся на их долю.

Наше предположение подтвердилось: в процессе культурно-исторического развития, человек, усложняясь, как психологическая система постепенно приобретает новые мерности (значение, смысл, ценность), а его жизненный мир – новые координаты.

В первобытнообщинную эпоху человек сопротивляется резким переменам, его самосознание имеет низкий уровень развития, рефлексия практически отсутствует. Он функционирует как существо гомеостатическое, стремящееся к равновесию, стабильности; живет настоящим, “здесь и сейчас”, любое изменение воспринимается отрицательно и тем более не присутствует в сознании как цель. Здесь существует абсолютный диктат нормирующей жизнь потребностной детерминации. Здесь можно говорить о наличии у человека этой эпохи пока только *предметного* сознания.

С обретением следующей *смысловой* координаты человек становится саморегулирующимся субъектом, соответствующим требованиям времени в человеке как отлаженной, рациональной “машине”.

На определенном этапе культурно-исторического развития, с появлением *ценностного* сознания, человек как открытая самоорганизующаяся система обретает новое системное качество – личность, появление которого выражается в готовности и способности человека к функционированию на уровне гетеростаза. Личность как новообразование человека, обеспечивает возможность его самоактуализации, самостроительства, самоорганизации.



Взгляд на человека с позиции психоистории раскрывает его сущностную природу, которая не могла проявиться явно, полностью на ранних стадиях филогенеза, будучи скрытой потребностью – выжить. Жизненный мир человека в историческом плане менялся и развивался. Основная тенденция этого развития – все большее проявление духовного, творческого начала в человеке. В ходе психоисторического процесса менялось содержание собственно человеческого в человеке. Собственно человеческое в человеке является продуктом его исторического развития, является тем новообразованием, которое проявляет себя потребностью в саморазвитии, самодетерминации, творчестве, постоянном стремлении выходить из времени в вечность, за пределы самого себя. Подтверждением поступательного развития человека является превращение самореализации в элемент бытия.

Теория психологических систем дает возможность увидеть причину трансцендентальности человека в появлении таких новообразований в психологической системе, которые включаются в дальнейшую детерминацию развития системы; самоорганизация начинает выступать как организация развития. Трансцендентальность понимается нами как адекватный, имманентный для человека, являющегося открытой психологической системой, способ саморазвития. Как показал проведенный анализ, существует культурно-исторический диапазон, внутри которого осуществляется переход от трансцендентальности как сопутствующего явления, как неизбежного компонента любого взаимодействия системы с окружением к трансцендентальности как осознанному способу существования личности. Только в этом случае трансцендентальность начинает определять образ жизни личности, а многомерный мир человека выступает в своих ценностных координатах как пространство для самоосуществления и самосозидания.

Проведенный анализ позволяет рассматривать происходивший и происходящий процесс становления человека как проявление системной детерминации. Система порождает факторы, определяющие ее самодвижение, эволюцию за пределы ограничивающих развитие внутренних и внешних факторов. Трансцендентальность человека может быть объяснена универсальным свойством самоорганизующихся систем любой природы – самодетерминацией как проявлением системной детерминации.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Ин-т практической психол.; Воронеж: "МОДЭК". 1996. – 768 с.
2. Бердяев Н.А. Творчество и объективация. \ Сост. А.Г. Шиманского, Ю.О. Шиманской. – Мн.: Экономпресс. 2000 – 304 с.
3. Гуревич А.Я. Представления о времени в средневековой истории // История и психология / Под ред. Б.Ф. Поршнева и Л.И. Анцыферовой. - М.: Наука. 1971. С.159-198.
4. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые шаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1 / Под ред. И.М. Дьяконова.- М.: Наука. 1983. – 534 с.
5. Ключко В.Е. Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза // Сибирский психологический журнал. – 1998. - Вып. 8-9. Томск. - С.7-15.
6. Ключко В.Е. Человек как психологическая система // Сибирский психологический журнал. – 1996. - Вып. 2. Томск. - С. 10-13.
7. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд. Томск: Изд-во Томского ун-та. 1999. – 154 с.
8. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. Сост и послесловие И.С. Кона. М.: Наука. 1988. – 429 с.
9. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука. 1979. – 232 с.
10. Шкуратов В.А. Историческая психология. – 2-е, переработанное издание. – М.: Смысл. 1997. – 505с.